

**ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:
О СБЛИЖЕНІИ ГОРЦЕВЪ СЪ РУССКИМИ НА КАВКАЗЪ.**

Въ 6-й книжкѣ «Военнаго Сборника» помѣщена статья «О сближеніи горцевъ съ Русскими на Кавказѣ». Г. Ивановъ полагаетъ, что средствами къ этому сближенію будутъ: «устройство мечетей, училищъ и установленіе базарныхъ дней. Остальное придетъ само собою» (стр. 549).

Прежде, чѣмъ рассмотримъ, въ какой мѣрѣ можетъ быть полезно каждое изъ этихъ средствъ, обратимъ вниманіе на то, что замедляетъ наше сближеніе съ горцами. Одна изъ важнѣйшихъ причинъ этому — религія, извращенная проповѣдниками казавата — священной войны. Алкоранъ, въ рукахъ Кази-Муллы, и Шамиля въ особенности, сталъ главнымъ двигателемъ дикой, суевѣрной толпы; полувѣковая борьба еще болѣе ожесточила тѣхъ, оцивилованіе которыхъ становится задачей кавказской войны; въ этой ненависти къ намъ прожило нѣсколько поколѣній, и, къ сожалѣнію, она до сихъ поръ еще на столько велика, что всѣ благодѣтельныя мѣры правительства, для достиженія предположенной цѣли, приносятъ пользу, хотя и вѣрно, но медленно. Ненависть эта, которую питаетъ всякій правовѣрный къ христіанину вообще, а кавказскій горецъ къ Русскому въ особенности, простирается до того, что всякій полуграмотный мулла, съ тряпкой на головѣ, вмѣсто чалмы, едва разбирающій первую часть Алкорана (Джюзъ), съ отвращеніемъ подаетъ руку Русскому, потому что Книга-Книгъ, безъ всякихъ обвиняковъ, къ числу нечистыхъ предметовъ причисляетъ: собаку, невѣрнаго, свинью и проч.

Если горецъ, приготовившись къ молитвѣ, то есть, совершивъ омовеніе, хотя нечаянно прикоснется къ невѣрному, то омывается еще разъ и ужь осторожно обходить всѣхъ глауровъ (*). Каждый предметъ, къ которому прикасаются Русскіе, почитается нечистымъ; жители Воздвиженскаго аула сожгли мечеть, выстроенную для нихъ княземъ М. С. Воронцовымъ: кисти, которыми бѣлили ее, оказались изъ свиной щетины. Аллахъ, Аллахъ!

Каждый горецъ, какъ бы онъ не былъ къ намъ приближенъ, питаетъ вражду, всосанную съ молокомъ матери, искусно скрытую, затаенную глубоко; намъ нужно имѣть это въ виду и начало этой ненависти, вражды, искать въ религиозномъ ученіи, которое, при толкованіи Шамиля и невѣждъ муллъ, выразилось у непокорныхъ—фанатизмомъ, а у мирныхъ—скрытой неприязнью. Повредить Русскимъ, хотя бы самымъ вѣроломнымъ образомъ, считаютъ они добрымъ дѣломъ; зарѣзать, хотя бы соннаго, религиознымъ подвигомъ. Къ несчастію, мы имѣемъ тысячу подобныхъ примѣровъ (**).

Сбродъ разноязычныхъ, разноплеменныхъ народовъ, извѣстныхъ въ Россіи подъ общимъ названіемъ Черкесъ, не имѣетъ понятія объ основныхъ, между-народныхъ и общечеловѣческихъ правахъ; враждуя съ Русскими, горцы рѣжутся между собою; кровомщеніе, «канлы», эта язва горскаго населенія Кавказа, существуетъ во всей своей силѣ и между мирными, несмотря на всѣ принимаемыя противъ него мѣры; если прибавить къ этому баснословную алчность къ деньгамъ, то можно имѣть понятіе о всей неурядицѣ въ покоряемой странѣ (***). Только деспотизмъ Шамиля могъ составить, хотя и нестройное, цѣлое изъ этого класса племенъ, нарѣчій, вѣрованій и проч. Мюридизмъ, подавивъ анархію, надолго отсрочилъ предсказаніе поэта:

«Въ ущельяхъ, гдѣ гнѣздились вы,
Проѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы».

(*) *Глууръ* — невѣрный, *гауръ* — собака; Чеченцы, пользуясь созвучіемъ словъ, никогда не упускаютъ случая сплѣсть каламбуръ. *Авт.*

(**) Въ настоящее время, сколько извѣстно, по крайней мѣрѣ въ обитателяхъ Чечни, эта ненависть и неприязнь къ Русскимъ значительно ослабѣли, чему мы видимъ также множество примѣровъ изъ послѣднихъ событий на лѣвомъ крылѣ. *Ред.*

(***) Горецъ продаетъ все: отца, сестру, товарищей; ни одна армія не имѣетъ столько лазутчиковъ, какъ кавказская; невѣдко покупается вся партія, въ которой окажется и самъ предатель, — за три цѣлковыхъ! *Авт.*

Рядъ осторожныхъ, обдуманныхъ правительственныхъ мѣръ, подготавливаетъ переходъ разбойническаго быта къ общечеловѣческому; преждевременныя мѣры, не принеся никакой пользы, могутъ быть даже вредны; къ несчастію, и этому мы имѣемъ примѣры. Наше бдительное правительство понимаетъ это.

Послѣ продолжительной, отчаянной борьбы, изнеможенные, обвинявшіе горцы, уступая безстрашію, терпѣнію и неимовѣрнымъ трудамъ побѣдителей, проклиная имама, довершившаго ихъ раззореніе, робко всматриваются въ наши нравы и обычаи; воображенію народному, полному нелѣпныхъ слуховъ о вѣрѣ и жизни гяуровъ, напуганному предсказаніемъ Шамиля, что мусульманъ будутъ насильно обращать въ христіанство, брать въ солдаты, безчестить жонъ и пр., кажется все сбыточнымъ.

Сколько осторожности, великодушія и знанія туземцевъ, нужно, чтобы не испортить или не замедлить великое дѣло; ошибка частнаго начальника, грубость пьянаго солдата, могутъ иногда имѣть пагубныя послѣдствія.

Принимая по человѣчески вновь покоряющихся, намъ въ тоже время нужно думать и о тѣхъ несчастныхъ, которые до сихъ поръ еще увлечены ученіемъ своего имама; лишенные имущества и пристанища, они видятъ въ насъ враговъ религіи и поработителей.

Однимъ лишь улучшеніемъ быта покорившихся, справедливостью въ управленіи, покровительствомъ земледѣлію, садоводству, торговлѣ и проч., можно положить конецъ злобѣ и фанатизму. Улучшивъ бытъ мирныхъ, мы заставимъ завидовать имъ непокорныхъ; и тѣмъ облегчимъ окончательное покореніе края.

Нынѣ управленіе мирными, отъ управленія непокорными отличается тѣмъ, что святѣйшій имамъ любитъ подарки не менѣе, чѣмъ и Сквозникъ-Дмухановскій, онъ не гнушается ни головой сахара, ни даже плиткой калмыцкаго чая; его наибы во взяточничествѣ и злоупотребленіяхъ превзошли героевъ г. Щедрина. Наибы же мирныхъ повѣряются русскою властію (*).

(*) Сколько мнѣ извѣстно, мирные вообще болѣе желали бы имѣть наибами русскихъ офицеровъ: причина та, что наибы изъ туземцевъ покровительствуютъ своимъ родственникамъ, которые, по обычаю горцевъ считаютъ всю свою фамилію роднею, весьма многочисленны; кромѣ того, рѣдкій горецъ не имѣетъ кровомщенія, «кавалы», съ какой нибудь фамиліей, наибы имѣетъ случай мстить безнаказанно. Русскій офицеръ, хорошо знакомый съ туземными нравами, обычаями и непремѣнно обладающій адскимъ терпѣніемъ для разбора сотни ежедневныхъ жалобъ, всегда начинающихся отъ

Горцы, вновь покоряющіеся, не чувствуютъ рѣзкаго перехода отъ власти правовѣрныхъ къ власти гяуровъ; напротивъ, невѣрные съ ними ласковы и новый наибъ такой же мусульманинъ, какъ и они; вынесенная ими изъ горъ вражда не подстрекается ежедневнымъ вмѣшательствомъ нашимъ въ тяжбы, споры, семейныя несогласія и другія дѣла, составляющія занятіе наибовъ, муллъ и кадіевъ; оба суда, по адату и шарріату, обычаю и книжному толкованію, вполне сохранились; фанатизмъ начинаетъ усыпать, религіозное предубѣжденіе, за неимѣніемъ столкновений, по немногу успокоивается, большаго и требовать нельзя, пока не смолкнетъ проповѣдникъ.

Правительству предстоитъ трудная задача—въ дикихъ разбойничьихъ племенахъ развить понятіе о честномъ трудовомъ хлѣбѣ, вселить въ нихъ отвращеніе къ грабежу и насилию, а для этого прежде всего нужно довѣріе народа.

Справедливо замѣчаетъ г. Ивановъ на стр. 544: «украсть, хотя бы то было и съ опасностью жизни, считается у горцевъ молодецкимъ дѣломъ». Грабежъ и воровство—ремесло горцевъ, они пренебрегаютъ торговлей; слово *купецъ* позорно, поэтому вся торговля ихъ въ рукахъ Евреевъ; торгуютъ и горцы, но мало, какъ будто изъ-подтишка, и не пользуются уваженіемъ собратій.

Не легко сладить съ такимъ народнымъ убѣжденіемъ (*), неохотно горцы бросаютъ кинжалъ, чтобы приняться за плугъ.

Благосостояніе провинцій, прежде признавшихъ подданство Россіи, служитъ доказательствомъ вѣрности административныхъ взглядовъ правительства и даетъ право быть увѣрен-

Адама, могъ бы вѣрнѣе приспособлять понятія горцевъ къ правамъ ихъ, какъ подданныхъ Россіи и, слѣдовательно, былъ бы полезнѣе, чѣмъ горецъ-наибъ, часто не болѣе какъ лихой наѣздникъ; но Русскій долженъ соединить всѣ означенныя качества, что очень нелегко, иначе поступки его поведутъ къ обвиненію горцами всѣхъ Русскихъ; теперь же, если туземцы не всегда довольны наибомъ, то винять только его съ фамиліей. Впрочемъ, учрежденіе наибовъ-горцевъ мѣра переходная; у племенъ, давно покорившихся, непосредственные начальники Русскіе. *Ает.*

(*) Мнѣ случилось однажды, на чеченской сватбѣ, видѣть подгулявшаго старика-Чеченца; онъ стыдилъ молодежь, показывая имъ свои раны: «бабы вы: въ ваши годы я былъ лихой наѣздникъ, никогда не почевалъ дома; въ продолженіе моей жизни я укралъ болѣе двадцати быковъ, столько же коровъ, много лошадей и проч. (онъ пересчитывалъ не безъ гордости всѣ трофеи), я убилъ четырехъ Русскихъ и трехъ своихъ; четыре раза мирился и три раза убѣгалъ въ горы!» Молодежь, какъ школьники, смиренно потуля глаза передъ столькими доблестями и ничего не отвѣчали.

нымъ, что и вновь покоряемыя племена станутъ также предметомъ челоѣколюбивой его заботливости.

Перейдемъ теперь къ статьѣ, въ которой предлагаются средства къ сближенію нашему съ горцами.

Первые, съ кѣмъ встрѣчаются вновь покоряющіеся, это войска; вотъ что говоритъ г. Ивановъ на стр. 543:

«Гарнизонъ крѣпости, нуждаясь въ жизненныхъ припасахъ, началъ сближаться съ горцами по торговымъ отношеніямъ: скоть, куры, медъ, масло, молоко, яйца, лукъ, ягоды, овчины для шапокъ и тулуповъ (курпей), бурки, сафьянъ и разныя изъ него подѣлки (чевяки, патронташи), туземное сукно, нерѣдко оружіе и даже кукуруза, и деревянныя корневые трубочки, приносимыя ежедневно въ крѣпость горцами, находили немедленно сбытъ. Неприхотливыя жизненныя требованія горцевъ вполне окупались выручаемыми деньгами за продажу туземныхъ произведеній. Каждая женщина, въ продолженіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, продавала однихъ ягодъ, орѣховъ и проч., что ей стоило только труда собрать, на 15 — 20 руб. сер. Приблизительно можно опредѣлить, что семейство, пускаясь въ торговый промыслъ, выручало до 125 руб. сер. въ годъ, имѣя при этомъ нѣсколько головъ скота, годовой посѣвъ ячменя и кукурузы, вольныя дрова и сѣно, естественно, что приобретенныя торговлею деньги горцы могли употреблять прямо на улучшение своего быта. Послѣдствія сближенія съ Русскими, а черезъ это развитіе горской промышленности, были очевидны: на мужчинахъ рѣже встрѣчались лохмотья, у многихъ женщинъ завелись канавосовыя бешметы, на дѣтяхъ стали появляться рубашки и чевяки, вмѣсто прежняго ихъ природнаго костюма и старой папахи съ отцовской головы; грязь, столь свойственная полудикому народу, рѣже бросалась въ глаза; многіе изъ горцевъ узнали употребленіе чая и водки (?), безъ этихъ двухъ потребностей вскорѣ не происходило никакого угощенія при торжественныхъ случаяхъ; у многихъ, обычай пить чай утромъ, вошелъ въ обыкновеніе» (*).

(*). Зажиточныя Чеченцы и въ горахъ имѣютъ обыкновеніе пить чай; жирныя употребляютъ его болѣе потому, что онъ у нихъ дешѣвле, въ горы онъ привозится какъ контрабанда; при этомъ надо замѣтить, что нашъ чай, шакуръ (чай, по чеченски), употребляется лишь какъ лакомство очень рѣдко; вѣроятно, г. Ивановъ имѣлъ въ виду калмыцкій чай, замѣняющій у Чеченцевъ супъ, бульонъ, и вообще жидкія кушанья.

Замѣтное улучшение быта мирныхъ, сравнительно съ бытомъ непокорныхъ, происходитъ не столько отъ торговли въ укрѣпленіяхъ, какъ отъ увеличенія хлѣбопашества при мирномъ положеніи подъ защитой Русскихъ и ярморочной торговлѣ въ станицѣ Николаевской, городахъ Моздокѣ, Георгіевскѣ и даже Ставрополѣ. Пусть г. Ивановъ справится о числѣ билетовъ, выдаваемыхъ мирнымъ изъ разныхъ управленій на проѣздъ на эти ярмарки, и онъ убѣдится, что не розничной продажѣ въ укрѣпленіяхъ яицъ, масла, молока и проч. и не базарнымъ днямъ, существовавшимъ въ нѣкоторыхъ горскихъ аулахъ, должны быть благодарны мирные. Розничной продажей занимаются лишь нѣсколько семействъ, и если взять въ соображеніе, что въ бѣльшей части укрѣпленій гарнизонъ не превышаетъ 1,000 человекъ, а въ нѣкоторыхъ онъ не болѣе роты, потребности коей очень малы, то едва ли барыши могутъ быть такъ велики, какъ полагаетъ г. Ивановъ, и едва ли они имѣютъ какое нибудь вліяніе на «развитіе горской промышленности». (Стр. 543).

Молодые горцы, при врожденной ихъ общительности и веселости, отъ скуки и бездѣйствія въ аулахъ, бѣгутъ въ укрѣпленія, гдѣ праздность ихъ имѣетъ хоть какое нибудь занятіе; цѣлый день они бродятъ по улицамъ, засматривая въ окна, не позоветъ ли ихъ *кунакъ-аѳцерь* (пріятель офицеръ); они вѣжливы на столько, что удивляютъ новичковъ знаніемъ приличій; скоро пыучиваются по русски; дѣлаются смѣлѣе въ обращеніи; быстро веренимаютъ наши манеры и даже привычки; но къ сожалѣнію мало усваиваютъ хорошаго. Кромѣ употребленія водки и портера, до которыхъ горцы большіе охотники, они выучиваются прекрасно метать штоссъ, банкъ; нерѣдко посвящаются и въ другія таинства праздной жизни.

Послѣ такихъ послѣдствій сближенія съ нами молодаго пылкаго поколѣнія, намъ остается пожалѣть, что оно перенимаетъ и дурное; смѣшно было бы обвинять наши войска въ развращеніи горцевъ; но видѣть въ сношеніяхъ ихъ съ нами только хорошую сторону, такъ же несправедливо.

Объ учрежденіи базарныхъ дней во вновь поселяемыхъ близъ русскихъ крѣпостей горскихъ аулахъ, г. Ивановъ говоритъ: «Назначеніе базарныхъ дней внолнѣ согласовалось бы съ духомъ народа, жизнь восточнаго человека проходитъ на базарѣ; допустимъ пожалуй, что эти базарные дни не принесли бы въ первое время ощутительной пользы въ торговоѣ развитіи края; но уже

одно то говорить въ пользу этого учрежденія, что горецъ, собираясь, прійдя на базаръ и отправляясь съ оного, проводитъ *нѣсколько дней* не въ той праздности, которой онъ подвергается въ своемъ аулѣ и которая не рѣдко вызываетъ его дѣятельность на другомъ поприщѣ, часто сопряженномъ съ опасностью» (стр. 546). Прежде всего надо замѣтить, что этотъ новый способъ развлечения не можетъ продолжаться нѣсколько дней. Обыкновенно горцы выѣзжаютъ на базаръ ночью или на разсвѣтѣ, чтобы утромъ прибыть на мѣсто; къ вечеру базарная площадь пуста; жители обыкновенно ѣздятъ на ближайшій базаръ, самое дальное верстъ за 20—30, и то если предвидится хорошій барышъ; а если нужно *собираться, идти и возвращаться нѣсколько дней* — лѣниваго и безпечнаго горца не заманите.

Допустимъ даже учрежденіе такого базара, допустимъ даже надобность ѣхать отъ бездѣлья въ дальній, когда есть ближайшіе; развѣ горецъ не будетъ празднымъ въ дорогѣ, такъ же, какъ и въ аулѣ? Онъ любитъ посѣщать базары, конечно если это не составляетъ труда; для узнанія новостей, встрѣчъ со знакомыми и свиданій съ непокорными, которые часто подъ покровительствомъ своихъ родственниковъ расхаживаютъ въ тѣсной базарной толпѣ, иногда между ничего неподозрѣвающими офицерами и солдатами.

Торговые дни, по мѣрѣ надобности, поражаются торговлей, а не учреждаются произвольно для препровожденія времени праздныхъ; они служатъ признакомъ избытка какихъ либо естественныхъ произведеній страны и извѣстной степени ея благосостоянія.

Жители вновь покоренныхъ ауловъ обнищали отъ войны; то, что уцѣлѣло отъ русскихъ набѣговъ, взято Шамилемъ въ залогъ вѣрности: теперь все ихъ богатство — лѣсъ и земля, требующіе рабочаго скота; нарубить горецъ арбу дровъ, да и везетъ ихъ на своихъ тощихъ малорослыхъ бычкахъ верстъ 40 и болѣе, туда, гдѣ они дороже, чтобъ заработать рубля два. А у многихъ ли есть быки? Теперь вся надежда вновь покоряющихся на правительство. Примѣръ Истисинцевъ, Кади-Юртовцевъ, Айсунгурцевъ, Амираджіуртовцевъ и другихъ — передъ ними; тѣ такъ же вышли къ намъ нищими, раззоренными до тла. Правительство приняло всѣхъ ихъ на провіантъ; они не привыкли къ черному хлѣбу, просили замѣнить его деньгами — и всѣ безъ различія половъ и возрастовъ получали провіантскія деньги и кромѣ того

деньги на первое обзаведеніе. Когда Шамиль, въ 1854 году, раззорилъ аулъ Истису, правительство уплатило жителямъ всѣ убытки до послѣдней пропавшей курицы, вѣря на слово раззореннымъ.

Мирные занимались пахатными работами подъ прикрытіемъ Русскихъ, въ аулахъ выстроены были редуты, гдѣ помѣщался нашъ гарнизонъ для защиты жителей отъ нападений Шамиля; но тревогѣ изъ укрѣпленій летѣли защитники новыхъ подданныхъ Россіи; ни днемъ, ни ночью войска не знали покою, и часто, сражаясь въ рядахъ съ новыми друзьями, отстаивали ихъ табуны, семьи и жилища.

Вотъ какія мѣры были приняты правительствомъ къ сближенію нашему съ горцами. Что можно было еще сдѣлать?

Теперь названные аулы богатствомъ равняются со всѣми давно поселенными; дай Богъ, чтобы они поняли, кому обязаны настоящимъ своимъ благополучіемъ (*).

Вѣроятно и вновь поселяемые попросятъ прежде всего хлѣба и защиты, а потомъ уже зрѣлищъ—базарныхъ дней, предлагаемыхъ г. Ивановымъ.

Объ устройствѣ мечетей авторъ статьи говоритъ:

«Въ Чечнѣ, какъ въ центрѣ военныхъ дѣйствій, какъ въ страдѣ, наполненной народомъ непокойнымъ, народомъ, на который преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе (почему?), построеніе деревянныхъ, а по мѣстности и каменныхъ мечетей показало бы горцамъ, что Русскіе не притѣсняють ихъ вѣроисповѣданія,

(* 3-го октября 1854 года, мнѣ случилось быть очевидцемъ геройской защиты Истисинцевъ противъ всѣхъ скопищъ Шамиля, подъ личнымъ его предводительствомъ. Пользуясь малочисленностью нашихъ войскъ, отвлеченныхъ на турецкую границу, Шамиль, съ партіей въ 12,000 человекъ, при двухъ орудіяхъ (по словамъ лазутчиковъ 18,000) атаковалъ аулъ. Тавлинцы ворвались и вступили съ жителями въ рукопашный бой на улицахъ; Истисинцы, передавъ женъ и дѣтей къ Русскимъ въ редуты, защищались отчаянно: рѣзня продолжалась около часу. Вѣрный аулъ былъ спасенъ мужествомъ гарнизона въ редутахъ (храбрый штабсъ-капитанъ Кабардинскаго полка Петровскій рѣшился защищаться до послѣдняго человѣка) и шестью ротами пѣхоты, подоспѣвшими на помощь съ генералъ-майоромъ барономъ Николаи. Горцы, несмотря на свою многочисленность, не устояли противъ картечи, бѣжали, оставивъ нѣсколько значковъ, тѣлъ и плѣнныхъ. Истисинцы обнимались съ «нечистыми» своими избавителями, женщины стлали свои головные платки подъ ноги побѣдителямъ въ знакъ триумфа. Къ сожалѣнію, объ молодецкомъ истисинскомъ дѣлѣ знаютъ немногіе: громъ Восточной войны заглушилъ залпъ и дружное «ура!» горсти храбрыхъ.

а напротивъ покровительствуютъ ему и заботятся о его благоустройствѣ» (стр. 545).

Тотъ, кто знакомъ съ бытомъ горцевъ на Кавказѣ, знаетъ, что выстроить въ аулѣ мечеть—не стоитъ ничего; при общей работѣ жителей, она поспѣваетъ въ нѣсколько недѣль, а въ Чечнѣ и въ нѣсколько дней: четыре сохи, не много хворосту, плетень и глина—вогъ всѣ матеріалы, которыхъ никто не покупаетъ; ни стекла, ни гвоздя. При такой несложности постройки ни одинъ аулъ не можетъ нуждаться въ мечети, тѣмъ болѣе, что народъ считаетъ религіознымъ подвигомъ участвовать въ этихъ работахъ; аулъ Ума-Ханъ-Юртъ, въ 1851 году, имѣвшій вмѣстѣ съ Аласханъ-Юртомъ не болѣе 25 дворовъ, выстроилъ себѣ мечеть въ недѣлю; въ большихъ аулахъ ихъ до десятка.

За чѣмъ же Русскіе будутъ строить мечети? Чтобы доказать, что они покровительствуютъ вѣрѣ? Но это доказательство не будетъ стоять ни копѣйки, если придерживаться прежней архитектуры, слѣдовательно и въ глазахъ горцевъ не будетъ имѣть никакой цѣны; а выстройте красивое, прочное зданіе, съ окнами, поломъ и проч., то едва ли суевѣріе пойметъ это; старыя мечети, выстроенныя отцами и дѣдами, будутъ предпочитаться новымъ казеннымъ, хотя бы онѣ бѣлились и не щетинными щетками.

Допустимъ даже, что горцы будутъ благодарны строителямъ; но это заставитъ ли ихъ перестать считать насъ нечистыми, оскверняющими всякую вещь, къ которой прикасаемся, идолопоклонниками, вмѣющими трехъ боговъ? (Такъ объясняютъ они значеніе иконъ и Святой Троицы). А въ этомъ понятіи о насъ, основанномъ на извращенномъ толкованіи Алкорана, и заключается препятствіе къ сближенію нашему съ горцами. Не помогутъ ни базарные дни, ни мечети, бѣленные съ предосторожностями (о школахъ и говорить нечего); теперь всякое мудрое учрежденіе правительственное, всякое частное доброе дѣло Русскихъ перетолковывается хитрымъ проповѣдникомъ «казавата» и посредствомъ невѣждъ муллъ сообщается въ наши предѣлы, гдѣ старики до сихъ поръ еще видятъ въ Шамилѣ поборника чистоты ученія; и устройство мечетей будетъ такъ же перетолковано муллами, которымъ суевѣрный и невѣжественный народъ вѣритъ слѣпо. Судьба мечети въ Воздвиженскихъ аулахъ, одинъ изъ тысячи подобныхъ примѣровъ.

Кромѣ постройки церквей, казармъ, мостовъ, укрѣпленій, башенъ, выдѣлки черепицы, кирпича жжонаго и саманнаго, про-

юженія дорогъ въ скалахъ, прорытія каналовъ и канавъ, вырубки просѣкъ двухъ верстной ширины, восемнадцати мѣсячныхъ походовъ по дебрямъ и лѣсамъ, съ тяжелымъ ранцемъ, и пятидесяти верстныхъ переходовъ безъ отдыха, зимованій на снѣгу безъ крыши, штурмовъ заваловъ и ежедневныхъ трудовъ, опасностей и лишеній—недостаеъ только того, чтобы нашъ кавказскій солдатъ, которому нѣтъ на свѣтѣ подобнаго, принялся еще за постройку мечетей *деревянныхъ, а по мѣстности каменныхъ!!!* И для кого же? для Чеченцевъ, на которыхъ почему то преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе, имѣющихъ всегда достаточно ризии на бзльй:пзіе, которое выражается у нихъ точеніемъ кинжала или строганіемъ палочки близъ порога своей сакли. (Стр. 548 статьи г. Иванова) (*).

Что же касается устройства школъ при мечетяхъ во вновь поселяемыхъ аулахъ, то, заводя ихъ, намъ предстояло бы одно изъ двухъ: или некасаться смысла преподаваемого ученія—значить способствовать распространенію лже-ученія Шамиля; или доказывать его нелѣпость—что было бы бесполезно, преждевременно и повело бы даже къ учрежденію сектъ.

Надо знать, въ чемъ состоитъ грамотность муллъ, кадіевъ и пр.; они знаютъ «не болѣе какъ чтеніе одного только Корана», говоритъ г. Ивановъ на стр. 546.

Это бы еще не бѣда, но нужно прибавить: и толкованіе его по преданіямъ, искаженнымъ ученіемъ Шамиля.

Не всякій мулла въ состояніи прочесть завтра то, что написалъ сегодня, съ трудомъ выводя букву за буквой; но всякій очень ловко истолкуетъ тѣ мѣста въ Алкоранѣ, гдѣ говорится о враждѣ съ невѣрными.

Умѣющій читать священныя книги и переводить ихъ съ арабскаго считается достаточно ученымъ, чтобы быть выбраннымъ въ муллы; если у этого ученаго сѣдая борода—то нѣтъ препятствія быть ему кадіемъ (вторая степень духовной гіерархіи); если же онъ дряхлый старикъ, много видѣвшій, часто вздыхающій съ нескончаемымъ повтореніемъ: ля-илляхи-иль-Аллахъ! онъ эфен-

(*) Тотъ, кто былъ на Кавказѣ, знаетъ, что всѣ рабѣты производятся тамъ солдатами: г. Ивановъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду тѣхъ же труженниковъ, когда на устройство мечетей, школъ и премій полагаеъ всего 10,000 руб. сер. Вольные рабочіе не сыщутся на передовой линіи за эти деньги, а хоть бы и нашлись, такъ имъ нужно еще прикрытіе. Всего проще заставить работать солдатъ!

ди (буквально значить ученый, слово турецкое: третья статья гьерархii у горцевъ).

Всякій полуграмотный, желающій поступить въ духовенство обертываетъ папахъ какой нибудь тканью, постится, побольше молчить (*), весь день омывается, для молитвъ всходитъ на саклю и скоро попадаетъ въ муллы; невѣжественное въ знаніи релігіозныхъ догмаговъ, духовенство горцевъ большею частию состоитъ изъ людей лукавыхъ, пронырливыхъ, толкующихъ произвольно каждый по своему ученію пророка; оно почерпаетъ оттуда лишь ненависть къ Русскимъ и поддерживаетъ ее въ другихъ.

Почти у всякаго муллы есть нѣсколько учениковъ—они будущіе кадii, эфендii, въ нѣсколько лѣтъ дѣлаются копіями своихъ учителей, толкователями ученія, давнымъ-давно искаженнаго. Не такія ли школы должно завести наше правительство, чтобы сблизиться съ горцами.

Кажется отъ нихъ можно ожидать обратнаго дѣйствія.

Положимъ, что число грамотныхъ увеличится; какая же польза отъ людей, выучившихся читать только Алкоранъ и толкующихъ его враждебно намъ?

Развѣ только увеличится число потребителей холста на чалмы. Пока ученость муллъ будетъ ограничиваться процессомъ чтенія арабскихъ книгъ и фанатическими произвольными ихъ толкованіями, до тѣхъ поръ учрежденіе школъ при мечетяхъ вновь покоряемаго народа, а тѣмъ болѣе въ сосѣдствѣ съ непокорными—не принесетъ желаемыхъ успѣховъ.

«Учрежденіе при мечетяхъ магометанскихъ училищъ, подъ надзоромъ людей, избранныхъ правительствомъ, могло бы внушить молодому поколѣнію идеи, необходимыя при будущемъ его развитіи». (Стр. 546.)

Гдѣ взять муллъ-горцевъ для каждаго училища, которые бы сами хоть немного смыслили въ развитіи народномъ, да еще сѣумѣли бы *молодому поколѣнію внушить о будущемъ его развитіи?* Теперешніе муллы, кадii и улемы знаютъ не болѣе какъ чтеніе *одного Корана*, говорятъ авторъ тремя строками ниже; а назначьте муллу не горца или хоть неодноплеменника; школы происками устраненныхъ останутся безъ учениковъ, не смотря на преміи, предлагаемыя г. Ивановымъ.

(*) Признакъ ума и солидности у горцевъ; слово—«серебро»; молчаніе—«золото», гласитъ Алкоранъ.

«Со стороны родителей, учрежденія эти не встрѣтили бы равнодушія, потому что каждый горецъ, по врожденной ему смѣтливости, очень хорошо понимаетъ, какъ высоко стоять въ общественномъ мнѣнн ихъ кадіи, муллы и улемы, знающіе не болѣе, какъ чтеніе одного Корана» (стр. 546).

Если духовенство дѣйствительно высоко стоитъ въ общественномъ мнѣнн суевѣрнаго народа, то это потому, что число грамотныхъ горцевъ очень невелико, а всякое знаніе грамоты между невѣждами считается чѣмъ то необыкновеннымъ; главное же потому, что кадіи, мулла и пр. въ то же время и судья, правовѣдъ народа, гражданскія понятія котораго находятся въ младенческомъ состоянн. Какъ примирить при устройствѣ школъ неспособность теперешнихъ муллъ, слѣпую привязанность къ нимъ народа — съ назначеніемъ для надзора за школами людей новыхъ, которыхъ потребовалось бы не мало?

«По окончанн ученія, курсъ котораго со временемъ могъ расширяться, принятіе молодыхъ горцевъ на службу съ предоставленіемъ тѣхъ же самыхъ правъ и выгодъ какъ и русскимъ уроженцамъ,—совершенно обратило бы горцевъ въ пользу учрежденныхъ училищъ» (стр. 546).

Какая польза службѣ отъ горца, окончившаго ученіе въ училищѣ при мечети, то есть выучившагося читать Алкоранъ?

Какъ можно современемъ расширить курсъ этого ученія, безъ пособія русскихъ книгъ, а слѣдовательно и русскихъ учителей, когда оно имѣетъ только религіозный смыслъ и приготовляетъ только въ муллы?

Какія права и выгоды можно предоставить кончившимъ курсъ? Наравнѣ съ какими русскими уроженцами, права которыхъ такъ разнообразны? — Отъ правъ податныхъ сословій горецъ откажется потому, что и теперь, неумѣя грамотѣ, онъ имѣетъ лучшія; а за неполное знаніе арабской грамоты, безъ всякихъ другихъ заслугъ, предоставленіе горцамъ правъ высшихъ было бы весьма странно.

Если бы ученый мулла крымскій, оренбургскій или казанскій, увидѣлъ рукописный Алкоранъ горцевъ, услыхалъ толкованія муллъ — онъ ужаснулся бы; если бы правительство, заводя школы у вновь покоряемыхъ предложило бесплатно безошибочныя печатныя священныя книги, то муллы возстали бы противъ этого; имъ нельзя было бы доказать ихъ списокъ ошибокъ, надѣлавшихъ ими и отцами ихъ, а главное, что введеніе печатныхъ

книгъ лишило бы муръ доходовъ, которые они имѣють, продавая рукописи (*).

Сколько ошибокъ должны были сдѣлать безграмотные переписчики, копируя съ арабскаго, сколько нововведеній могли сдѣлать Кази-Мулла и Шамиль, пользуясь недоступностью книжнаго языка для народа.

По убѣжденію Чеченцевъ, въ Алкоранѣ, или какъ они произносятъ Уранъ, заключаются рѣшенія на всѣ общественные и военные вопросы, предсказанія (**) и проч.

Одинъ муръ въ Чечнѣ читалъ мнѣ въ Алкоранѣ, то мѣсто, гдѣ говорится о Чечнѣ, Дагестанѣ и Сибири; другой, показывая на одну изъ вершинъ Кавказскаго хребта, увѣрялъ, ссылаясь на Уранъ, что на ней остановился Ноевъ ковчегъ; Шамиль на основаніи Алкорана, «вновь исправленнаго и дополненнаго», запретилъ употребленіе табаку и музыкальныхъ инструментовъ, подъ опасеніемъ зашитія половины рта или пальцевъ.

Вмѣшательство Русскихъ въ религіозные вопросы, дало бы поводъ изувѣрамъ взвести на насъ обвиненіе въ искаженіи вѣры и это было бы тѣмъ опаснѣе, что горцы до сихъ поръ еще не совѣмъ вѣрятъ нашей вѣротерпимости. Заводя школы, не разбирая смысла преподаваемаго въ нихъ ученія, увеличивъ число полуграмотныхъ представителей извращенной религіи, въ свое время намъ тѣмъ труднѣе было бы уничтожить вредное для насъ истолкованіе закона. Теперь неграмотные горцы смутно понимаютъ свое ученіе — тѣмъ лучше для нихъ; впоследствии, когда можно будетъ дать имъ печатныя книги, они безъ сопротивленія допустятъ примиреніе Алкорана съ невѣрными.

(*) Экземпляръ рукописнаго Алкорана стоитъ отъ 20 до 30 руб. сер.

(**) Во время бывшаго въ 1851 году затмѣнія солнца, мнѣ случилось быть въ аулѣ Ума-Ханъ-Юртъ; хотя жители были предупреждены нами объ этомъ явленіи, но только что оно началось, ими овладѣлъ паническій страхъ, женщины и дѣти кричали, многіе молились; только что бѣда миновалась, жители бросились къ муръ съ вопросами: что значить? что значить? Муръ вышелъ къ народу съ Алкораномъ, долго переворачивалъ страницы, вздыхалъ съ нескончаемыми «Аллахъ, ля илла!» наконецъ, кажется, нашолъ что-то: «Бисмилла!» (Господи, благослови!). Народъ отвѣчалъ: «Бисмилла!» Муръ прочелъ что-то по-арабски, никто ничего не понималъ. «Что значить? что значить?» кричали изъ толпы. Муръ объявилъ: въ Алкоранѣ сказано, что сейчасъ бывшее затмѣніе — не значить ничего; но то, которое будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ, будетъ что-то значить. Народъ разошелся совершенно успокоенный, недоумѣвая, какъ это Русскіе ухитрились узнать о томъ, что будетъ съ солнцемъ? Долго еще Умаханъ-юртовцы покали и плевали отъ удивленія

На муллѣ смотрѣть будетъ нечего, если не будетъ имама съ братіею, который теперь своимъ одобреніемъ освящаетъ всякое толкованіе и нововведеніе, какъ бы оно нелѣпо ни было, лишь бы клонилось ко вреду Русскихъ.

«Итакъ, говоритъ г. Ивановъ, заключая свою статью, все что теперь можно пожелать вновь поселяемымъ близъ русскихъ крѣпостей горскимъ ауламъ, такъ это постепеннаго устройства мечетей, училищъ и установленія базарныхъ дней. Остальное придетъ само собою. Если на эти учрежденія изъ суммъ, ежегодно предназначаемыхъ для Кавказскаго края, отдѣлять 10,000 р. с. и распределеніе этой суммы подчинить не установленнымъ одинъ разъ навсегда правиламъ, но той необходимости, которую можетъ усмотрѣть всегда вѣрный взглядъ администратора, то въ результатѣ оказалось бы въ скоромъ времени много и очень много (?) хорошаго» (стр. 549).

Какъ мнѣ кажется, первое и послѣднее средство не принесетъ никому ни пользы ни вреда, а среднее и намъ и горцамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Вопросъ о сближеніи горцевъ съ Русскими, послѣ вопроса о средствахъ къ окончательному покоренію края, есть важнѣйшій изъ всѣхъ кавказскихъ вопросовъ; не десятью тысячами рублей онъ можетъ рѣшиться; ни что, даже и *остальное, само собой* не приходитъ, въ особенности въ такомъ сложномъ административномъ вопросѣ, какъ введеніе фанатическихъ дикарей въ цивилизованную семью. Намъ мало желать сдѣлать добро, надо умѣть сдѣлать его такъ, чтобы враги наши не могли придать ему обычнаго своего толкованія и не уничтожили бы зародыши того довѣрія, которое начинаютъ оказывать намъ горцы.

Кавказская армія показала, что ни природныя препятствія, ни отчаянное сопротивленіе не могутъ противостоятъ ея терпѣнію и безстрашію; а наше правительство, съ истинно-христіанскою заботливостію принимая покоряющихся, много и много уже сдѣлало жертвъ для постепеннаго сближенія съ ними.

Останемся въ убѣжденіи, что отъ бдительности ничто не скрылось и что мѣры, предлагаемыя г. Ивановымъ, были бы давно примѣнены, еслибъ отъ нихъ можно было ожидать успѣха.

Н. АВГУСТИНОВИЧЪ.

С. Петербургъ.
5-го іюля 1859 года.